

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
**ПОДПОЛЬНЫЙ
ОЛИГАРХ**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Подпольный олигарх

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Подпольный олигарх / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Тайга надежно прячет следы преступлений, страх заставляет людей молчать. Раненый в жестокой схватке за золото рабочий прииска решил рассказать все. Два сыщика из Москвы – Лев Гуров и Стас Крячко вылетели в таежный район, чтобы разобраться на месте в творящемся там беспределе, который чинят местные бандиты. Тем более, когда их покрывает депутат местной Думы. Но сыщики не продаются, их не запугаешь, на них не действуют депутатские корочки. Их можно только уничтожить. Но и это сделать довольно трудно. Даже оказавшись в таежном болоте, легендарные сыщики выходят сухими из воды. Преступники не уйдут от наказания...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	20
ГЛАВА 6	23
ГЛАВА 7	25
ГЛАВА 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Подпольный олигарх

ГЛАВА 1

Василий Кустов, бульдозерист прииска Синяжский, проснулся непривычно рано для себя, когда за окном вагончика еще только начало светать. Он долго не мог понять причины столь ранней пробудки. Обычно в это время он еще безмятежно блуждал по лабиринтам уютного мира сновидений и просыпался лишь после настойчивой трели будильника, незадолго до завтрака. Он нашарил под подушкой сигареты и зажигалку и неспешно закурил. Но мгновение спустя вскочил со своего топчана как ошпаренный. До него вдруг дошло, в чем причина этой странной бессонницы: в комнате царил тишина, нарушаемая лишь тиканьем будильника да ранней перебранкой птиц на соседних деревьях.

Присмотревшись, он с удивлением обнаружил, что постель его соседа по «кубрику» пуста и даже не разобрана. Получалось так, что его давний приятель, сварщик Виктор Упорин, хохмач и балагур, ночевать не приходил вообще. Будучи заядлым рыбаком, он все свободное время проводил на речке Сабельной, к которой примыкал распадок, где и базировался прииск. С сетями и удочками Виктор, случалось, засиживался далеко за полночь, несмотря на то, что с утра ему предстояло вставать вместе со всеми и тянуть обычную для прииска двенадцатичасовую смену.

Без улова он никогда не возвращался. Ввалившись в кубрик в первом, а то и втором часу ночи, он бесцеремонно будил Василия, демонстрируя тому хариусов, окуней, шук, судаков, которых на следующий день отдавал на кухню или раздаивал всем желающим. Потом, едва успев раздеться, как подкошенный падал на свой топчан, оглашая «кубрик» могучим раскатистым храпом, при котором способен был заснуть лишь один Василий. Собственно, поэтому в «кубрике», рассчитанном на четверых, обитало всего двое.

Василия разбудила тишина – настолько он привык к Витькиным руладам. Если разобратся, тот без всяких поцелуев смог бы разбудить Спящую красавицу, случись той уснуть заколдованным сном рядом с ним. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что и Василий при всем своем спокойствии и многотерпении иногда был вынужден вставать и пихать Виктора в бок кулаком, если тот, превзойдя самого себя, перебирал по децибелам.

Теперь такая, казалось бы, желанная тишина тревожила и пугала. Окончательно забыв про сон, Василий курил, сидя на топчане и размышляя о том, что же могло произойти.

Упорин в отличие от всех прочих, отправившихся на прииск за пресловутым длинным рублем из обнищавших за годы передрыг и потрясений Поволжья, Новгородчины, Курской и иных областей, был из местных, сибиряк невесть в каком поколении. Витька всерьез уверял приисковых мужиков, что его давний предок служил есаулом в войске самого Ермака Тимофеевича. Он приехал на Синяжский из деревни, затерявшейся в лесах в сотне верст от прииска. Потомственный охотник и пахарь, Витька пренебрег семейными традициями и подался в золотодобытчики, что не очень одобрялось односельчанами, в большинстве своем старообрядцами. Но врожденного внутреннего зуда промысловика он так и не смог превозмочь.

Приисковая братия к Витькиной страсти, выход которой он давал в рыбалке, относилась снисходительно, хотя и изошрялась в островах по этому поводу. К тому же увлечение Упорина служило не только хорошим поводом поупражняться в сочинении анекдотов, но и неплохим подспорьем для столового меню. Среди золотодобытчиков славился рыбный пирог в Витькином исполнении. Когда Упорина допекали расспросами о том, чем же он занимается на Сабельной в поздние полночные часы, Виктор добродушно отшучивался:

– С водяным в картишки перекидываемся, с русалками хлеб-соль вожу. Глядишь, какую и сосватаю!

– Додружился, ек твою горбушку! – торопливо натягивая одежду, сердито бормотал Василий. – Кабы в сеть не запутался да не пошел ко дну пузыри пускать!

Он запрыгнул в сапоги и открыл дверь в соседний «кубрик» вагончика.

– Парни, ну-ка, просыпайтесь. Просыпайтесь, ек вашу! Витьку ночью никто не видел? Никто не заметил, приходил он или нет?

Недовольно кряхтя, ворча и вздыхая, на топчанах заворочались сонные приисковики. Долговязый токарь Виталька, протирая кулаками глаза, сердито пробурчал:

– Тебе чего не спится? Что вскочил ни свет ни заря? Теща, что ли, во сне привиделась?

– В самом деле, – потягиваясь, зевнул в дальнем углу мордастенький крепыш Димка. – Чего панику разводишь? Никуда он не денется, твой Чалдон. Небось столько хариуса натаскал, что и не унести. А бросить жалко...

– Да ну вас! – сердито хлопнул дверью Василий, выбегая из вагончика.

В лесном лагере золотодобытчиков, состоящем из двух длинных бревенчатых барakov и нескольких вагончиков, разбросанных по поляне, царила сонная тишина. Безмятежно спала и сама природа – ни одна ветка не колыхалась на окружавших поляну соснах и елях. Невысокие окрестные сопки, которые и образовывали золотоносный распадок, поросшие густым лесом, чуть розовели в свете разгорающейся утренней зари. Лишь стайка горластых кедровок металась между верхушек деревьев, нарушая тишину хлопаньем крыльев и хриплыми криками. Стараясь отогнать дурные предчувствия, Василий скорым шагом направился к Сабельной. До тех мест, где обычно рыбачил Виктор, ходу было всего каких-то десять-пятнадцать минут. Громко топая сапогами по неровной, каменистой тропинке, Василий даже не заметил, как сам с собой начал разговаривать вслух:

– Ну вот что, что там приключилось? Далась тебе эта рыбалка, ек твою горбушку, – на ходу бормотал он. – Понесло тебя на ночь глядя...

Когда он миновал цветущий куст шиповника и стал спускаться по пологому склону к речке, до его слуха донесся какой-то непонятный звук, напоминающий слабый стон. Василий замер как вкопанный и, затаив дыхание, напряженно стал вслушиваться. Он никак не мог понять – был ли стон на самом деле, или это ему только померещилось. Но менее чем через минуту из-за плотной стены молодого ельника вновь донесся еле различимый мучительный протяжный стон. У Василия по спине пробежал холодок. «Уж не зверь ли на него ночью напал?» – продираясь через густую завесу колючих лап, размышлял Василий.

Шагах в пятнадцати от тропинки, на траве, залитой кровью, он увидел своего друга, лежащего ничком. Но, как с первого же взгляда понял Василий, тут не было никаких признаков того, что на Виктора напал хищник. Три кровавых пятна на спине и развороченная кожа на темени свидетельствовали об одном: его кто-то пытался убить. Но кто и почему стрелял в безобидного, бесконфликтного парня? Кому и чем он мог насолить?

Вид пулевых ранений говорил о том, что убийца стрелял Упорину в спину и даже позаботился о контрольном выстреле в голову. Но, видимо, в темноте просчитался, и пуля прошла по кости черепа вскользь.

Пронзительные удары била, в качестве которого на куске толстой проволоки был подвешен «газоновский» колесный обод, переполошили всех без исключения. Из вагончиков и барakov высыпали сонные полуодетые люди, готовые ощутить гарь лесного пожара или увидеть иную гибельную напасть. Но и то, что случилось с их товарищем по работе, приисковики восприняли как событие чрезвычайное. Тут же по радиосвязи была запрошена санитарная авиация. Сообщили о случившемся и в райотдел милиции.

Сине-белый с красными крестами «Камов», изрядно потрепанный временем, по-стрекозиному сверкая лопастями винтов, приземлился через полтора часа. Прибывшая с вертоле-

том молодая строгая докторша оценила состояние Упорина как крайне тяжелое. Посетовав, что до областной клиники он, скорее всего, не дотянет из-за большой потери крови, она объявила, что доставит его в ближайшую районную. Василия и Димку, которые усиленно набивались сопровождать Упорина до больницы, чтобы там обеспечить его своей кровью, докторша выпроводила из салона вертолета, навечно пропахшего лекарствами и чем-то специфически авиационным.

Но к вечеру того же дня в районную больницу поселка Кузоево на запыленной «копейке» примчались четверо мужчин с парой крупных волкоподобных лаек. Участковый Шаньгин, зайдя взглянуть на пострадавшего, с удивлением увидел в больничных воротах рослых незнакомцев с охотничьими карабинами в сопровождении собак. Прибывшие люди, суровые и немногословные, сообщили ему, что они родичи Виктора из деревни Упорино, которая расположена в соседнем районе, где почти все жители – Упорины. Узнав о том, что случилось с Виктором, односельчане всей деревней направили в Кузоево для охраны лучших охотников, поскольку были уверены, что негодяи, пытавшиеся его убить, вряд ли успокоятся, пока не доведут свой замысел до конца. Да и кровь могла потребоваться.

Выслушав Упориных, Шаньгин оказался в затруднительном положении. Как службист он не мог допустить, чтобы на территории больницы обретались вооруженные люди, пусть даже и прибывшие с самыми благими намерениями. Но и не дать им возможности защитить родственника ему тоже показалось неправильным, поскольку он и сам считал бесспорным – убийцы до Виктора обязательно постараются добраться и здесь. Пообещав утрясти этот вопрос с начальником милиции, Шаньгин вполголоса посоветовал:

– Дежурить – дежурьте, только в больницу не заводите собак и спрячьте оружие, чтобы его видно не было.

Вскоре, несмотря на протесты главврача, один из охотников встал в караул у двери палаты, где в бессознательном состоянии лежал Упорин. Свой карабин он спрятал в углу за шторой. Еще один с собаками взял под контроль территорию больничного двора.

Лишь на третий день Виктор Упорин наконец пришел в себя. Светила уездной медицины ахали, дивились крепости его организма, разводили руками... Еще через день с согласия главврача и условно узаконенной к тому времени самостоятельной охраны – райотдел, у которого остро не хватало сотрудников, для приличия покобенившись, все же дал свое «добро», – к Упорину был допущен следователь районной прокуратуры. Однако его визит оказался пустой тратой времени – Виктор объявил, что не помнит ничего абсолютно. Лишь Шаньгину по секрету он сообщил кое-что определенное, рассказав о том, что той ночью он стал случайным свидетелем разговора двух человек, обговаривавших детали криминальной сделки. Но ни имен этих людей, ни подробностей разговора сообщать не стал, пообещав открыть все без утайки в присутствии кого-нибудь из Москвы – и никак не менее того.

– Акимыч, тебе я доверяю, – голос Упорина был еле слышен, но тверд, – а вот всем остальным ментам, вплоть до области, не верю ни на грош. Год назад ни за что посадили моего друга, а сесть должен был сынок прокурора.

– Да кто же сюда потащится, из Москвы-то? – Шаньгин пожал плечами. – И там не все святые, и тут не все грешники. И там такое же бывает.

– Знаю, – кивнул Упорин. – Но все равно говорить буду только с теми. Не приедут – значит, не судьба.

ГЛАВА 2

Направляясь к генералу Орлову, Гуров заранее пытался предугадать, какой же сюрприз приготовил ему сегодня старый приятель.

Тот был прямо-таки кладезем всякого рода служебных сюрпризов. Причем преподносил он их, как правило, в самый неподходящий момент. Вот и теперь, когда Гуров вплотную подошел к раскрытию хитро законспирированной группировки квартирных аферистов, имевших обширные связи с коррумпированными чинушами как в столичных, так и в федеральных конторах, Петр запросто мог попросить его передать это дело другому. А Гурову опять подбросить что-нибудь из тех крепких орешков, на которых уже обломало зубы немало маститых оперов. И это при том, что в ближайшие дни Гуров планировал выйти на ряд крупных тузов из некоторых департаментов и министерств... Ох уж эти многообещающие срочные вызовы пред светлые начальственные очи!

Вопреки стремлению Гурова сохранять внешнюю невозмутимость, его далеко не самые радужные ожидания каким-то образом все равно нашли свое отражение в его жестах, взгляде, походке. Обменявшись с ним крепким дружеским рукопожатием, генерал Орлов без особых предисловий коротко и буднично объявил:

– Лева, твоя тревога не напрасна – дело о квартирных аферистах придется передать другому. Я так думаю, с этой работой, учитывая, что она уже практически завершена, теперь спокойно справится и Володя Твердов. Тем более что он – твой ученик, хватка у него крепкая. А тебе...

– Петр! Ну, поймей же совесть! – укоризненно вздохнул Гуров. – Без ножа мой двухнедельный труд режешь. Согласен, Володя – парень и хваткий, и дотошный. Но ведь ему придется изобличать не мелких урок, а выводить на чистую воду жулье крупного масштаба. Причинах, при покровителях, в условиях беспардонного нажима. Сдюжит ли? Боюсь, упустит он вож-жи, и рухнет это дело, как карточный домик. Вот и получится: на ровном месте – да мордой об асфальт!

– Ну так и подготовь его, чтоб не рухнуло. Как следует введи в курс дела, обговори каждый нюанс. Думаю, он сдюжит. Ну, не злись, не злись, Лева, так надо. Тебе предстоит взвалить на себя дело куда более серьезное. Вот, кстати, его-то Твердову я не рискнул бы предлагать. Там, я так понял, ситуация намного сложнее.

– Опять придется ехать куда-то очень далеко? – с усмешкой поинтересовался Гуров.

– Да где там! – обнадеживающе махнул рукой генерал. – Всего-то лететь часов пять-шесть-семь... Далеко не на край света. А разобраться тебе предстоит вот с чем. На одном из золотодобывающих предприятий, по-моему, прииске Синяжский, кто-то пытался убить работника артели. Стреляли в упор, наверняка, но парень выжил. Сейчас он там в местной районной больнице, уже идет на поправку. Дня три был без сознания, а когда пришел в себя, объявил, что говорить о случившемся с местными милиционерами не хочет категорически. Располагает, мол, какой-то архиважной информацией.

– Случай, конечно, заслуживающий внимания, – согласился Гуров. – Но почему ты считаешь, что заниматься им должен обязательно я?

– Потому что эта история очень темная, со сплошными непонятками. Начнем с того, что информацию о случившемся мы получили из неустановленного анонимного источника. Кто-то сбросил письмо по электронной почте на адрес главка. Мы сделали запрос в тамошнее УВД, и выяснилось, что информация о попытке убить приисковика, поступившая к нам, абсолютно достоверна. Впрочем, коллеги из управления нас уверили, будто это всего лишь заурядная бытовуха, тогда как из письма явствует, что на прииске Синяжский кто-то намеревается провернуть крупную аферу. Можно предположить, что речь идет о хищениях драгметалла. И этот

пострадавший – либо сам участник криминальной группировки, которого решили убрать свои же, либо случайный, нежелательный для них свидетель, от которого попытались избавиться.

– Хм... – Гуров задумался. – Но если его убить не смогли, так сказать, с первой попытки, то где гарантия, что в дальнейшем не попытаются ее повторить?

– Само собой разумеется, – кивнул генерал. – Скорее всего, именно из-за этого пострадавший и не спешит откровенничать. Его охраняют родственники, профессиональные охотники-белковщики. Автор письма обеспокоен тем, что их уже пытались под благовидными предложениями выставить с территории больницы.

– Хорошо. – Гуров посмотрел на часы. – Когда отправляться, я не спрашиваю. И так понятно, что чем быстрее, тем лучше.

– Да, выезжаешь сегодня же. Командируем тебя и Стаса Крячко. Даже если судить по тому, что мы уже знаем, тебе одному там пришлось бы нелегко. Поэтому потребуется хорошая подстраховка. Сейчас хорошенько поработай с Твердовым, проинструктируй, объясни, растолкуй. Часа три на это хватит вполне. Ну, час на сборы и прощание с женой. И в дорогу!

– А почему бы не наоборот? – засмеялся Гуров. – Час – на Твердова, три – на жену и сборы... Вот не знаю даже почему, но наш сегодняшний разговор очень мне напоминает что-то похожее, происходившее не единожды. Прямо дежавю какое-то. Посуди сам: уже не первый раз расследую дело, по твоему же определению – архиважное. На самом интересном месте ты у меня его отбираешь, отдаешь другому, а меня посылаешь к черту на кулички. И обязательно в тот самый день, когда мы с женой наконец-то выбрали время вместе куда-то выйти. Просто шаблон какой-то. И после всего этого ты берешься утверждать, будто относишься ко мне товарищески!

– Каюсь! – поднимая руки, устало улыбнулся Орлов. – Каюсь и готов понести самое суровое наказание. Но... ничего поделать не могу – решение уже принято. Более того, не могу дать никакой гарантии, что такое не повторится еще много-много раз. Ты Гуров, – генерал выделил фамилию без тени иронии, – и этим все сказано. Таких, как ты, к сожалению, не так много, как хотелось бы. Поэтому и гордись, и страдай одновременно – другой судьбы у тебя уже не будет.

– Ну, утешил, отец родной! – Обменявшись с Орловым прощальным рукопожатием, Гуров направился к выходу.

Распахнув дверь кабинета, он на секунду задержался и быстро два раза стукнул каблуком о порог.

– Это что еще за танцевальный номер? – подняв голову от бумаг, рассмеялся генерал.

– Знакомая жены рассказала ей о том, что ее муж, выходя из кабинета своего начальника, обязательно два раза бьет каблуком по порогу, и у него любое задание всегда выполняется без сучка и задоринки, – понизив голос, доверительно поведал Гуров. – Вот, как видишь, перенимаю передовой опыт.

Помахав рукой, он скрылся за дверью, провожаемый задумчиво-ироничным взглядом Орлова. Гуров шел по коридору, предвкушая, как, возвратившись из командировки, он расскажет Петру о том, что сулящий удачу стук каблуком о порог – его собственная выдумка, которая экспромтом пришла ему в голову во время разговора в кабинете. Он был уверен, что Орлов, человек абсолютно не суеверный, все равно как-нибудь, выходя от министра, не удержится и обязательно постучит каблуком. Гурова заранее разбирал смех, когда он представлял себе выражение лица генерала, узнавшего, что его элементарно разыграли. Что это была всего лишь своего рода маленькая дружеская месть Гурова за необходимость в который уже раз объясняться с Марией по поводу внезапного отъезда.

На автостоянку аэропорта Домодедово зарулил неброский «жигуленок» пятой модели. Из него вышли двое мужчин, столь же неброско одетых. Под светлой ветровкой одного и легкой

джинсовой курткой другого угадывались сильные, отлично натренированные тела. Достав из багажника дорожные сумки, они не спеша направились к зданию аэровокзала.

Пройдя регистрацию и сдав вещи в багаж, мужчины присели на свободный диванчик в зале ожидания. Они вполголоса перебрасывались короткими фразами и скучающе смотрели на спешащих мимо людей, на информационное табло, где цепочками огоньков высвечивались названия рейсов, на буйную зелень за огромным, во всю стену, окном.

Соседям по залу ожидания они, скорее всего, напоминали отставных военных, подавшихся в предпринимательство, которые отправляются самолетом то ли на рыбалку, то ли на охоту. Ну, выдались у состоятельных, привычных к сложностям жизни людей свободные деньки, и решили они потратить их на приобретение мощной порции адреналина и полного набора всевозможных положительных эмоций. А для этого отправляются куда-нибудь на Байкал или в камчатскую Долину гейзеров...

Две молодые, накрашенные особы – типичные искательницы приключений, – по достоинству оценив статью и подлинную мужественность двух путешественников, обратили в их сторону интригующе-кокетливые томные взоры. Но те, всецело уйдя в обсуждение каких-то чрезвычайно важных дел, этого как будто даже и не заметили.

Стоило бы отметить, что сами путешественники таковыми и надеялись казаться окружающим. И кто бы знал, сколь опасную рыбку отправлялись удить эти двое.

Лев Гуров и на сей раз не изменил своей привычке – отправляясь в ответственную командировку, не допускать ни тени помпы, саморекламы или рисовки. Человек по своей натуре очень скромный, он в душе порицал склонность некоторых своих коллег везде и всюду гарцевать на служебных авто под блики мигалок и завывание сирен. Случайно узнав о его командировке в далекие сибирские края, их со Стасом до аэропорта взялся подбросить сосед по подъезду, отставной опер Данилыч, «пятерку» которого, игнорируя протесты старика, Гуров за свой счет заправил по самой завязку.

Твердое правило Гурова: меньше пустого шума – лучше результат – себя оправдывало многократно. Вряд ли он мог бы добиться реальных результатов, если бы там, где ему предстояло распутывать хитросплетения заведомо безнадёжных дел, все, и кому положено, и кому не положено, заранее знали о прибытии крутейшего столичного опера. Стас, куда более склонный к внешним эффектам, испытывал некоторое внутреннее раздражение из-за необходимости маскироваться под «серый пиджачок», в чем он не видел абсолютно никакого резона.

– Лев, а не махнуть ли нам в буфет? – после пространной тирады о климатических особенностях Средней Сибири неожиданно предложил он. – Кофейку выпьем... С коньячком! А? Ты глянь, глянь, какие две нимфы на нас кидают свои благосклонные взоры. Кстати, могли бы и их пригласить.

– Постой! – сохраняя все то же подчеркнутое безразличие к происходящему вокруг, Гуров неприметным внимательным взглядом окинул мужчину средних лет, стоявшего к ним вполоборота у яркого рекламного стенда. Что-то неуловимое в его то ли осанке, то ли в манере вальяжно держать руки в карманах брюк, то ли в несколько неестественном положении головы привлекло к себе внимание Гурова.

– Стас, – глядя на информационное табло, тихо окликнул Гуров, – обрати-ка внимание на человека в бежевом костюме, он от нас слева. Присмотрись – что-то в нем не так.

– Вижу, – так же тихо откликнулся Крячко. – Да, не пойму пока, чем именно, но его фасад мне знаком. Где-то я его уже видел... Ты считаешь, он здесь в связи с нашей командировкой?

– Твердой уверенности нет. Но чувствую, что он здесь неспроста.

В этот момент неподалеку прошли двое милицейских офицеров, майор и подполковник, с чемоданчиками-кейсами. Ровной походкой, сохраняя четкую выправку, офицеры проследовали в сторону касс. Человек в бежевом костюме оценивающе окинул их колючим пристальным взглядом, как бы что-то вспомнив, посмотрел на часы и пошел следом.

– Та-ак! – удивленно констатировал Стас. – И что это может означать? Кто-то нас активно вычисляет? А чего ради? Не вижу смысла.

– Я, в общем, тоже... – честно признался Гуров. – Хотя могу предположить, что если некто каким-то образом получил информацию о выезде оперативной группы на место происшествия, что для него теоретически чревато не очень приятными последствиями, он был бы крайне заинтересован, во-первых, в том, чтобы выяснить, кто в эту опергруппу входит. А во-вторых, в том, чтобы приставить к опергруппе свой «хвост» и отслеживать направление расследования – по правильному пути оно пошло или по ложному. Впрочем, не исключено, что я ошибаюсь.

– Логично, – одобрительно кивнул Крячко. – В таком случае можно предположить, что в тамошнем областном управлении сидит «крот» или «кроты», работающие на криминалитет. Скажем, узнав о том, что из их краев в Москву ушло электронное письмо о событиях на приiske, они обязательно станут ожидать приезда оперативной группы. При этом, скорее всего, они не знают, какой информацией располагают московские гости, и нервничают. А вдруг в письме приведены были какие-то разоблачительные факты, названы конкретные фамилии? О-о, да тут нетрудно и аппетит потерять. Кстати, мы там будем работать инкогнито, как гоголевский ревизор?

– Не совсем. Без лишней рекламы, но вполне официально. Смотри, – Гуров непринужденно откинулся на спинку дивана, глядя в окно, – наш «бежевый» опять движется в эту часть зала.

– И, судя по его физиономии, он чем-то явно огорчен, – развернув на коленях газету со сканвордом, злорадно отметил Стас. – И я, кажется, догадываюсь, чем именно. Те двое летят не туда, куда он предполагал. Ну что, кроссвордики поразгадываем в целях маскировки? Конспирация, батенька! – спародировал он великого вождя мирового пролетариата.

«Бежевый» и впрямь смотрелся довольно кисло. Краем глаза зацепив чем-то обративших на себя его внимание Гурова и Крячко, он с минуту понаблюдал за их вяловатым бдением над сканвордом и, судя по всему, так и не сделав никаких выводов, двинулся дальше.

– Да, теперь уже можно сделать окончательный вывод – он здесь крутится неспроста, – неприметно поглядывая «бежевому» вслед, заключил Гуров. – И если он действительно ищет именно нас, значит, запаниковали там здорово.

– Уверен, на просторах Сибири мы не заскучаем! – тихо воскликнул Стас с наигранным ироническим оптимизмом.

В кармане Гурова раздалась трель сотового телефона.

– Мария?! – сочувственно поинтересовался Крячко.

Но на экранчике дисплея высветился номер Твердова.

– Товарищ полковник, Лев Иванович! Это Твердов, – услышал Гуров молодой, хриловатый басок майора. – У нас тут такая заморочка – бесследно исчез главный подозреваемый, Корытов. Я предполагаю...

– Нет, он никуда не убежал, и его не убили. – Выйдя в вестибюль, Гуров решительно опередил умозаключения Твердова. – Скорее всего, он отлеживается или в Мытищах, или в Одинцове. Побеседуй по душам с Пяткиным. Этот прохиндей знает все норы Корытова.

Когда Гуров вернулся на свое место, Стас, не отрываясь от сканворда, тихо сообщил:

– Видимо, «бежевый» нас все же расшифровал. Уже минут пять поблизости отирается.

– Да ну и плевать на него, – рассмеялся Гуров. – Главное, мы его раскусили.

Уже не маскируясь, он открыто, в упор, дерзко и вызывающе стал рассматривать «бежевого». Тот, ошарашенный подобным выпадом, некоторое время растерянно стоял, с деланным любопытством разглядывая рекламные плакаты. Похоже, он к такому повороту не был готов и

не знал, как лучше отреагировать. Но в конце концов, одарив Гурова недружелюбным взглядом, быстро вышел из зала ожидания.

– Враг панически отступает по всей линии фронта! – рубанув кулаком, возликовал Стас, обрадованный тем, что больше уже нет нужды конспиративничать. Его последние слова заглушил бархатный голос дикторши, объявившей посадку.

Подходя к трапу, Гуров пробежал глазами по текущей толпе пассажиров и негромко сообщил Стасу на ухо:

– Тут, похоже, все чисто. Значит, полетим без «хвоста»...

– Что вы сказали, молодой человек?! – К Гурову буквально прилип бойкий дедок лет семидесяти, который, помимо прочих достоинств, таких, как роскошные усы и мексиканская шляпа-сомбреро, обладал еще и не по возрасту острым слухом. – Вы изволили выразиться, что наш самолет полетит без хвоста. Вы имеете в виду, что он технически неисправен и всем нам угрожает опасность?

Теперь уже про хвост и самолет слышали и прочие пассажиры. Все головы повернулись в их сторону, продвижение по трапу резко замедлилось.

– Дедушка! – со смиренным укором в голосе Стас обнял старика за плечо. – Вы неправильно поняли и все перепутали. Мы с товарищем – студенты, удачно сдали сессию и летим домой без «хвостов» по зачетам. А самолет исправен, долетим – как своими ногами по тротуару прогуляемся.

Этот спич приободрил оробевших, и дальнейшая посадка протекала без особых проблем. Лишь одна строгая дама со старомодными бусами на шее громко объявила:

– По-моему, сегодня в клинике Кащенко был день открытых дверей!

ГЛАВА 3

За низеньким столиком, непринужденно развалился на кожаных подушках дорогих кресел в холле одной из подмосковных вилл, что в изобилии заполнили самые живописные заповедные места, восседали трое неуловимо чем-то очень похожих друг на друга мужчин. Красивая странная женщина в строгом ослепительно белом костюме, с изысканной прической, явный эксклюзив кого-то из ведущих московских мастеров, сидела в стороне от прочих на роскошном диване, взглянув на который можно было бы заподозрить, что он каким-то образом попал сюда прямо из Лувра. Она небрежно листала модный женский журнал, как будто не замечая никого вокруг.

Трое за столом, напротив, время от времени украдкой бросая в ее сторону восхищенные взгляды с примесью плотоядного любопытства, вели негромкую беседу. Мужчины позванивали бесценным венецианским стеклом, в котором искрилось умопомрачительно дорогое вино, доставленное из лучших французских погребов. И сервировка стола, и мебель, и антикварная хрустальная люстра, достойная лучших залов Эрмитажа, и подлинники Врубеля, Брюллова, Гогена, Пикассо, развешанные на стенах холла, говорили об изысканности, аристократичности и социальной недостижимости этого уровня для простых смертных. Об этом же свидетельствовали и темы бесед – о мировых ценах на золото и алмазы, о фаворитах последних бегах и скачек, о скандале в одной из монарших семей Европы...

Но если бы сидящие в холле вдруг принуждены были исповедаться о своей жизни и делах земных, они могли бы порассказать много такого, что никак не гармонировало бы с великосветским интерьером из роскошного обиталища. Хозяин виллы, крупноносый плотный брюнет, известный в определенных кругах как Шнобель, еще при серпасто-молоткастой общественно-экономической формации немало лет провел в стенах с куда более скромной обстановкой, о чем свидетельствовал недавно вытравленный с руки бессмертный эковский лозунг «Не забуду мать родную». Начав когда-то с банальных грабежей в подворотне, в романтически революционные девяностые Шнобель, рэкетируя торговцев и «курируя» тружениц московской панели, нажил свои первые миллионы. Позже он ушел в более респектабельный бизнес – открыл несколько крупных казино, стал по-крупному играть на бирже, купил транспортную фирму. Но не брезговал и старым «бизнесом» – принадлежащие ему липовые риэлторские конторы пустили по миру не одну сотню своих клиентов.

Гость, сидевший напротив, высокий, худощавый, с тонкой ниточкой усов и крупными ближневосточными глазами, был облачен в дорогой костюм от лучших кутюрье. Несмотря на манеры благовоспитанного, лощеного английского денди, его биография тоже была далеко не безупречной. Начав в эпоху хиппи мелким поставщиком опиума, впоследствии Фрэнсис Стиллнаиф сумел прибрать к рукам значительную часть нелегального рынка драгметаллов и камней. Для прикрытия он провозгласил себя идейным борцом за освобождение угнетенных народов. Объявив беспощадную войну американскому империализму, он успешно сотрудничал с американской же мафией, а свои накопления хранил в американских банках.

Третий из сидящих за столом, крупный мужчина с грубовато вытесанным, угловатым лицом, прибыл на эту встречу из отдаленного сибирского региона, где считался всевластным владыкой огромных таежных просторов. Павлу Игоревичу Самойлову, как представился гость, были подконтрольны золотодобыча, лесозаготовки и многое другое. По слухам, в своих краях он мог запросто давать указания губернаторам, не говоря уже о прочих, более мелких чинах. Хотя, возможно, это действительно были всего лишь только слухи.

Когда разговор мужчин зашел о достоинствах нового, недавно спущенного на воду круизного лайнера-гиганта, в супермодной сумочке дамы, сшитой то ли из кожи игуаны, то ли из варана с острова Комодо, мелодично дал о себе знать сотовый телефон. Мужчины разом

замолчали и отставили фужеры, повернувшись в ее сторону. Разговор по телефону был недолгим. Спрятав аппаратик в сумочку, дама вежливо улыбнулась и встала.

– Господа! – чистым, приятным голосом обратилась она к присутствующим. – Мистер Альберт уполномочил меня уведомить вас о том, что на данную встречу прибыть, к большому его сожалению, не сможет по ряду весьма важных причин, в связи с чем приносит свои глубочайшие извинения. Вместе с тем он поручил мне, как своему пресс-секретарю и советнику, представлять здесь его интересы.

– Вам? – чуть снисходительно усмехнулся хозяин дома. – Безусловно, это очень приятное обстоятельство. Но... имеете ли вы достаточные полномочия, чтобы обсуждать вопросы, намеченные в повестке встречи, и тем более принимать по ним какие-то конкретные решения?

– Простите, леди, – сказав это на ломаном русском, Стиллнайф учтиво поднялся со своего места. – Вы представились как госпожа Розалия, и я не берусь уточнять, действительно ли это имя принадлежит вам от рождения, но вот подлинность ваших полномочий явно нуждается в каком-то подтверждении.

– Разумеется, – лучезарно и даже как-то снисходительно улыбнулась дама. – Надеюсь, этот голос вам знаком?

Она достала сотовый и, поманипулировав с кнопками, положила его на стол.

– Господа! – услышав густой баритон, мужчины посерьезнели. – Я поручаю госпоже Розалии вести от моего имени любые переговоры и предоставляю ей право принятия любых, самых ответственных решений. Желаю успехов!

– А нельзя ли уточнить, что за причины не позволили прибыть самому мистеру Альберту? – недовольно насутился Самойлов.

В глазах дамы сверкнули искорки неприязни и сарказма, Фрэнсис и Шнобель обменялись многозначительными взглядами.

– Хорошо, я поясню. Именно вам. – Розалия острым как бритва взглядом полоснула по лицу «хозяина тайги». – Только что наша служба безопасности установила факт вылета из аэропорта Домодедово в ваши края двух оперативников для расследования ЧП на одном из ваших приисков. Личности оперативников уточняются, но мистер Альберт считает, что это могут быть только специалисты высочайшей квалификации. Следовательно, уровень конфиденциальности, чрезвычайно важный при ведении бизнеса, не вписывающегося в рамки формальных условностей, именуемых законами, снижается до угрожающе опасного. Как вы знаете, наш концерн всемерно оберегает свое реноме и не допускает в своей деятельности таких грубых провалов, какие допущены вашими людьми, господин Самойлов.

– Что вы имеете в виду? – стараясь придать голосу твердость и надменность, пророкотал «хозяин тайги».

– Я имею в виду их непрофессионализм, неумение обеспечить секретность в тех случаях, когда это крайне необходимо. Они топорно сработали там, где требовалась ювелирная работа. Я говорю о неудачной попытке устранения нежелательного свидетеля. Три болвана на прииске чуть ли не прилюдно стали обсуждать свои дела! Что может быть идиотичнее?! И это бы еще полбеды, но некто неизвестный отправил в Москву электронное письмо с информацией о тех событиях. К сожалению, мы и приблизительно не знаем, есть ли в нем конкретный компромат. Поэтому, вполне резонно предполагая, что спецслужбы в данный момент могут за кем-то из здесь присутствующих вести негласное наблюдение, мистер Альберт и принял решение, о котором вам уже известно.

– Да-а-а... – Хозяин виллы был несколько обескуражен. – Что же ты, Евгений... Прости, оговорился, Павел Игоревич, так опрофанился со своими суперменами? Ведь за такие проколы и голову, в натуре, мало оторвать. А что они там за дела обсуждали, когда их застукал этот пролетарий? Может, ничего серьезного он там и не услышал?

– Ну, про металл они разговор вообще не вели, – досадливо скривившись, неохотно выдал Самойлов. – Там... Короче говоря, во время вскрышных работ был обнаружен в слое вечной мерзлоты прекрасно сохранившийся детеныш мамонта. Второго такого объекта в мире нет. Китайцы уже сейчас предлагают за него шесть миллионов долларов. Европейцы – двенадцать. Думаю, американцы дадут не менее тридцати. Мы с ними сейчас ведем переговоры. Той ночью мой сотрудник привез на прииск, где в резервном ледяном погребе для хранения продуктов был спрятан труп мамонтенка, специалиста по палеонтологии, чтобы тот определил реальную цену находки. Обо всем остальном вы уже знаете. Кстати, с мистером Альбертом я и надеялся сегодня обговорить возможные варианты провоза находки через таможню, границу и так далее.

– Вы неразумны, господин Самойлов. – Розалия пронзила его взглядом горгоны Медузы и презрительно усмехнулась. – Имея крупные, стабильно растущие долларовые счета в международных банках, вы польстились на сиюминутную прибыль от реализации какой-то доисторической падали, пусть даже кто-то и дает за нее миллионы. Чушь! Абсурдно рисковать сотней долларов ради того, чтобы сорвать всего один. Что думаете предпринять теперь?

– Да что теперь! Находку зароем в тайге. Любознательного этого ликвидируем окончательно. И вместе с ним тех, кто не внушает особого доверия. Теперь по металлу. За этот год мы вывезли с приисков более пяти тонн. Транспортная цепочка, организованная Анатолием Юрьевичем... – Самойлов кивнул в сторону Шнобеля, – работала безукоризненно. Благодаря «окну» на границе, обеспеченному мистером Альбертом, груз ушел точно по назначению. А вот конкретной информации о реализации металла я до сих пор не получил. И поэтому хотел бы спросить господина Стилнайфа, как там наше золотишко?

– К сожалению, Россия все же подписала соглашение о борьбе с отмыванием денег. Это сузило наши возможности легализации металла. Половину полученного нами товара на рынок продвинуть удалось. – Фрэнсис многозначительно посмотрел в потолок. – С остальным сложнее. Конкуренция, знаете ли... Я сегодня тоже планировал проконсультироваться с мистером Альбертом относительно коррекции приоритетов в деятельности нашего консорциума. На мой взгляд, операции с золотом временно следовало бы приостановить. Более перспективным полем деятельности я бы считал вывоз алмазов и других драгоценных камней. Конъюнктура складывается неплохая, при этом прибыль на порядок выше, а риск на порядок ниже.

– Я обязательно сообщу мистеру Альберту о вашем предложении, – кивнула Розалия. – Думаю, оно ему понравится. Но это – дело будущего. А сейчас нужно решить вопрос с транспортировкой уже подготовленной к отправке партии металла. Кстати, должна вас проинформировать, что из-за некоторых кадровых перестановок в таможенных структурах ряд должностных лиц, оказывавших нам содействие в бизнесе, выведен из игры. На их месте новые люди, с которыми пока еще нет достаточно надежных контактов. Поэтому есть предложение несколько изменить форму вывоза драгметалла. С недавних пор мистер Альберт обладает контрольным пакетом акций совместной российско-турецкой фирмы, занимающейся вторчерметом. Это позволит в специально оборудованном закрытом цеху заливать расплавленный драгметалл в пустоты специально подобранных, скажем, радиаторов отопления, блоков двигателей и тому подобное. На месте же, в аналогичном цеху, золото будет выплавляться.

– Остроумная идея! – одобрительно улыбнулся Шнобель. – Это даже уменьшит наши издержки за счет снижения уровня субсидий таможенным чинам.

– Вместе с тем прошу заметить, что наш концерн понесет дополнительные затраты, связанные с деятельностью плавильных цехов. – Розалия многозначительно подняла палец с длинным накрашенным ногтем. – Но в целом мы окажемся в выигрыше. В связи с этим, соответственно, на несколько процентов возрастет и наша доля в общей прибыли. Да, и хотела бы сказать, что мистер Альберт разделяет беспокойство господина Самойлова по поводу неопределенности с итогами реализации металла. Мистер Альберт уважает четкое и строгое

выполнение обязательств всеми участниками консорциума и не допускает даже мысли о каком-либо нарушении имеющихся договоренностей.

– Мистер Альберт и господин Самойлов могут быть совершенно спокойны. – Стиллнайф приложил руку к сердцу. – Наша сторона не давала и не даст поводов к разочарованию.

– Тогда за дело, господа! – уже мягче усмехнулась Розалия, собираясь уходить.

– Как?! – Стиллнайф поднялся со своего места и изобразил огорченную мину. – Вы нас покидаете? Какая досада! Вы – истинное украшение этого скучного мира, и ваш уход делает нас глубоко несчастными.

– В самом деле! – игриво заулыбался хозяин виллы. – Я надеялся, что вы с нами еще посидите, теперь уже в неофициальной обстановке. С делами разобрались – почему бы не повеселиться?

– Бесконечно огорчена тем, что не могу ответить согласием, – разведя руками, вежливо улыбнулась Розалия. – Но дела службы, знаете ли... Ровно через полчаса, и ни секундой позже, я обязана быть в главном офисе концерна. Наш девиз – точность, обязательность, компетентность, преданность, так что – увы... Желаю успехов!

– Я ее вижу уже пятый или шестой раз, но до сих пор почти ничего не знаю о ней, – задумчиво глядя ей вслед, сказал Стиллнайф, обращаясь и ни к кому, и ко всем сразу.

– Я о ней кое-что слышал, – наливая себе вина, сообщил Шнобель. – Таких баб в Москве единицы. И по фасаду... Какая у нее грудь, какие глазищи! И по мозгам. Она училась в МГИМО, одна из лучших выпускниц, на английском и испанском говорит, как на родном. Была замужем за сыном какого-то бугра из президентской администрации. И вот, имея такую жену, тот дебил полез на секретаршу своего папаша. Ну, развелись... А потом она влетела в какую-то историю. То ли сама сглупила, то ли бывший муженек подставил, то ли еще кто... Что-то, связанное с наркотой. Ну, не знаю я обстоятельств, но только, с одной стороны, ей зона лет на десять светила, с другой – блатные собирались голову снести. И вот тут появился этот самый Альберт. Он в момент все уладил, и теперь она пашет на него, как египетская рабыня.

– Он с ней спит? – закуривая, подмигнул Самойлов.

– Самое смешное, что нет. Неизвестно, спит ли он вообще. Вот о нем я ничего не знаю. Человек-загадка. Это машина для зарабатывания бабок где угодно и как угодно. Все перед ним на цыпочках. У кого мужья, жены – терпит. Мужик, баба на стороне – выгоняет. За выпивку тоже. У него весь штат – как роботы... да ну его к черту! И ее, раз ушла. Будем квасить сами. За все хорошее!

ГЛАВА 4

Сидя в кресле авиалайнера, Гуров вспоминал недавнее расставание с Марией. Она, конечно, была огорчена. Но долгие годы совместной жизни приучили ее к резким переменам житейских планов, к внезапным отъездам и нескорым возвращениям вечно занятого супруга. Она уже потеряла счет несостоявшимся походам в гости, поездкам на природу, к морю... Когда Гуров появился на пороге, она, лишь мельком взглянув, сразу же все поняла без слов.

– Куда на этот раз? – Мария старалась говорить спокойно, без обиды в голосе и укора.

– А-а... – Ее слова застали Гурова врасплох, и он на какое-то время даже забыл заранее заготовленную покаянную речь. – В Сибирь. Но это так, ничего особенного... Обычная инспекционная поездка, обычная рутина.

– Лева, ты только не старайся меня обмануть, – прервала его Мария. – Я ведь давно уже знаю, что в переводе на русский язык все тобою сказанное звучит примерно так: поездка ответственная и опасная. Кстати, рада тебе сообщить, что послезавтра наш театр отправляется на гастроли именно по городам Средней Сибири. Может, хоть там побываешь на наших спектаклях? Видишь, я, как жена декабриста, спешу вслед за мужем. Или ты не рад?

– А что ж это вас понесло в Сибирь, если вы собирались ехать в Австралию? – досадливо хлопнул руками Гуров.

– В Австралию мы тоже едем, но осенью. Что-то не связалось в МИДе и Минкульте. А что это ты так помрачнел? Да-а... Похоже, и впрямь тебя ожидает сплошная «рутина»... Лева. – Мария обняла его, едва сдерживая себя, чтоб не разреветься, что с ней случалось не так уж часто. – Прошу тебя о том же, о чем просила всегда: зря не рискуй, будь очень осторожен. Обязательно-обязательно вернись! Не знаю почему, но у меня не очень хорошие предчувствия.

Смахнув слезу, хитрой лазутчицей прорвавшуюся через редут густых ресниц, Мария пошла собирать дорожную сумку мужа. Гуров чувствовал себя виноватым, хотя в чем он мог себя упрекнуть? Но, как бы там ни было, та единственная крохотная слезинка теперь увесистым камнем лежала на его душе. «Ну все, хватит терзаний! – в конце концов прикрикнул он на самого себя. – Не барышня кисейная, а расчувствовался – дальше некуда. Уж что выросло, то выросло. Закончим этот эпизод, на пару недель выбью отпуск. Поедем к морю... Как мы давно там не были!..» Он закрыл глаза и представил расстилающийся до горизонта безбрежный изумрудный водный простор. В шуме гудящих за бортом двигателей самолета ему послышались плеск волн, крики чаек, гудки белоснежных теплоходов, проплывающих вдали...

Неожиданно Гуров поймал себя на том, что на его лице прочно обосновалась мечтательная улыбка, которая со стороны могла показаться не вполне уместной. Спешно согнав ее, Гуров осторожно покосился в сторону Стаса. Тот сидел рядом, воюя с очередным сканвордом и попутно прислушиваясь к важным речениям дамы с бусами. Дама со значительной миной назидательным тоном пересказывала своей соседке, круглощечкой крепышке лет восемнадцати с длинной толстой косой, всякие разности из жизни высшего света – вновь созданных в крупных городах дворянских собраний.

Стас, которого ехидная реплика этой дамы насчет клиники Кащенко задела за живое, терпеливо дожидался момента, чтобы наконец отыгаться. Дождавшись конца повествования о визите в Москву очередных августейших особ, Крячко пренебрежительно хмыкнул.

– Поду-у-маешь, невидаль! – придав лицу то же выражение, что и у дам, заговорил он. – Вот у нас на Дону объявился прапраправнук Стеньки Разина... Нет, не Андрюша из «Ласкового мая». Кстати, вы, наверное, – обратился он к девушке, – уже и не помните про этот эстрадный отстой? Так вот, наш настоящий Разин решил продолжить семейный бизнес – брать на абордаж сухогрузы и туристические теплоходы, кидать в «Волгу» последней модели персид-

ских царевен. А еще хочет довершить начатое прапрапрадедушкой – взять приступом Симбирск, ныне Ульяновск. У дедули-то со взятием города облом получился.

– Неужто штурмовать собирается? – Девушка с недоверием смотрела на разошедшегося Стаса.

– Зачем? – вдохновенно расписывал Крячко. – Не тот уровень, не та эпоха. Он, как наши думские депутаты, выйдет на площадь и изобразит сердечный приступ патриотизма. Народ у нас жалостливый, сразу определит его в губернаторы. А то и повыше...

Догадавшись наконец, что он просто прикалывается, девушка, едва успев прижать ладонь к губам, быстро отвернулась к окну, и лишь по подрагиванию плеч можно было догадаться, что она беззвучно хохочет.

– Боже, какую чушь вы несете! – со скорбным возмущением завздыхала дама.

– Стас, ну хватит, хватит! – Гуров похлопал его по плечу, давая понять, что не стоит излишне усердствовать, даже если очень хочется поквитаться за задетое самолюбие.

Однако Стаса, что называется, понесло, и остановить его было не так-то просто.

– А вообще... – Крячко изобразил мечтательную гостеприимность. – Будете проходить мимо Кашенко – милости прошу. У нас так хорошо. Пижамы от Зайцева, смирительные рубашки от Версаче, кляпы от Кардена...

Кое-кто из соседей, слушая разглагольствования Стаса, фыркал в кулак, не желая обижать вконец рассерженную даму. Вошедший в раж Крячко, собираясь выдать что-нибудь еще из своего бездонного арсенала, вдруг наткнулся на осуждающий взгляд Гурова и, пожав плечами, – мол, уж и пошутить нельзя – снова углубился в сканворд. Через пару минут он откинулся в кресле и безмятежно задремал.

Гуров, размышляя под шум турбин о предстоящей работе, смотрел в окно на стелющееся далеко внизу белое пушистое одеяло облаков. Облака плыли, плыли... Внезапно куда-то поплыл и он сам.

Мир вернулся к нему с шумом турбин и разговорами соседей. «Я спал? – удивился Гуров. – Неплохо! Надо будить Стаса – скоро на посадку». Открыв глаза, он посмотрел на часы.

– Эй, лежебока! – неожиданно услышал он голос Крячко. – Подъем! Слушай, Лева, и как только тебя Мария терпит? Ты ж так храпел, что у самолета чуть и в самом деле хвост не отвалился. Ладно, давай перекусим – я тут поесть сообразил.

Вылетев из Москвы в начале дня, всего через несколько часов они прилетели в поздний вечер. Приятели взяли у аэропорта такси и отправились в гостиницу. Решили ехать к той, которая поближе к областному УВД и где стоимость проживания не самая высокая. За время пути чрезвычайно любознательный Стас успел выведать у таксиста массу полезного, начиная с того, как проще и дешевле добраться в Кузоев, и заканчивая размером mzды, взимаемой с водил местными гаишниками, и расценками на услуги особ, толпящихся у края тротуаров.

Гуров, вполуха слушая их разговор, на всякий случай запоминал характерные особенности местной городской топографии. Тренированная память мгновенно схватывала незнакомые названия и приметы той или иной улицы. «Улица Авиаторов, – отмечал он про себя, – здесь театр... – При виде театра его сердце невольно дрогнуло. – Первый тупик Народовластия, – вот уж действительно – нарочно не придумаешь, – едва не рассмеялся он вслух. – Улица 40-летия ВЛКСМ, на ней гастроном «Теремок».

В очередной раз взглянув на табличку с названием улицы, Гуров нахмурился. Минут десять назад проспект Социализма они уже пересекали.

– Эй, уважаемый, а ты случайно не заблудился? – окликнул он таксиста, увлеченно повествовавшего о ценах на городских рынках.

– Я?! Кх... Гм... – Ошарашенный его вопросом, таксист едва не поперхнулся дымящейся сигаретой. – А что, что такое?

– Да я смотрю, ваш проспект Социализма какой-то странный. Или он такой извилистый, что по пути к гостинице его надо раз десять пересечь, или их у вас несколько?

– А-а-а... – Взяв себя в руки, шофер выплюнул сигарету в открытое окно и смущенно рассмеялся. – Да тут, понимаете, товарищ вот очень интересуется нашим житьем-бытьем. Ну, я и взял на себя труд просветить его по этой части. Заодно показать красоты нашего города. И архитектуру, знаете ли, и всякие прочие достопримечательности...

– Это все отлично, – согласился Гуров. – Но нам все же не мешало бы хоть когда-нибудь и до гостиницы доехать.

– Ну, это без проблем. Это от аэропорта всего-то в десяти минутах езды, – лихо сбив на затылок фуражку, объявил таксист.

В очередной раз свернув за угол, он подрулил к ярко освещенному вестибюлю девятиэтажного здания, лет сорок назад, несомненно, считавшегося шедевром тогдашней архитектуры. Гуров достал бумажник и расплатился с таксистом по расценкам, существенно ниже московских, но явно превышающим местные. Приняв деньги, тот порылся в кармане и сунул Гурову визитку с номером телефона.

С восторженным смущением – надо же так проколоться, подловили, как пацана, – он доверительно объявил:

– Мужики! В любое время дня и ночи в любую точку земного шара. Случись чего – и в долг куда надо свожу. Таких клиентов ценю и уважаю.

Поднимаясь по лестнице к парадному входу гостиницы с громким названием «Звездная», Гуров покосился в сторону ярко раскрашенной девицы с колоссальным декольте феноменально короткого платья и вполголоса поинтересовался:

– Стас, а для чего это ты с таким пылом и азартом расспрашивал таксиста о ценах на услуги тутошних путан? Что-то я за тобой такого раньше не замечал.

– Лев! Ну ты что, не понял? Уж конспирация так конспирация. Надо же было изобразить из себя столичных коммерсантов?! – возмутился Крячко.

– А-а... Понял, понял! – сохраняя самое что ни на есть серьезное выражение лица, одобрительно кивнул Гуров. – Потому-то ты без конца в разговоре с ним и вставлял жаргонные словечки: «типа», «чисто», «клево», «в натуре»! По-моему, зря старался. Похоже, он нас раскусил, как только мы сели в машину. У профессиональных таксистов глаз наметан не хуже нашего.

– Ты думаешь? – Уши Крячко запылали от прилившей к ним крови. – Хм... Слушай, Лев, – огорченно выдавил Стас, – а я при этом выглядел не слишком глупо?

– Да нормально все было! – Гуров ободряюще хлопнул его по спине. – Он, как я понял, не дурак, человек сообразительный и поэтому воспринял все правильно. Раз мы под кого-то маскируемся, значит, так надо. Мы подыграли ему, он подыграл нам. Все замечательно.

– Ну, Лева! – Стас вытер платком лоб, покрывшийся испариной. – Сколько с тобой работаю, не перестаю удивляться – и откуда ты все знаешь? На любой вопрос у тебя всегда готов ответ.

– Эх, если бы на любой! – мечтательно вздохнул Гуров.

Перед его мысленным взором вновь промелькнуло недостижимо далекое, теплое синее море, белый, как лебедь, лайнер, идущий по волнам... И они с Марией в веселой, беззаботной толпе загорающих на пляже. Будет ли это?

ГЛАВА 5

Еще вечером в гостиничном номере Гуров обдумал планы на предстоящий день. Чтобы иметь полную информацию о происходящем в области, досконально знать обстановку, первым делом он решил заехать в областное УВД. Там он рассчитывал узнать подробности ЧП на прииске Синяжский. В Кузоево Гуров решил съездить один, без Стаса, который останется в архиве управления, чтобы поднять материалы по хищениям золота, выявленным за последние год-два. А еще Крячко предстояло поискать в картотеке того типа в бежевом костюме. Если же там «бежевого» найти не удастся, Стас должен будет по памяти составить фоторобот и отправить его генералу Орлову.

Визит к областному милиционерскому руководству, как Гуров и ожидал, не прибавил ему ни оптимизма, ни энтузиазма. Замначальника, полковник средних лет с бегающими глазами и странной привычкой время от времени их плотно зажмуривать, известил Гурова простуженным, несмотря на летнюю пору, голосом о том, что «сам» уже неделя как в отпуске, а он, исполняющий обязанности начальника Миляев, товарищу из Москвы едва ли чем может помочь.

Тем более что по мнению компетентных – это слово полковник произносил с особым нажимом – сотрудников, которые занимались происшествием на прииске, дело явно не стоит того пристального внимания, которое ему уделено в столичных инстанциях. Но коль уж заурядная бытовуха так заинтриговала светил сыска, он, в недавнем прошлом следователь по особо важным делам, готов поддержать, так сказать, трудовой порыв своего коллеги из Главного управления.

– С хищениями драгметалла ситуация, конечно, непростая, – важно выпятив нижнюю губу, повествовал полковник. – Есть факты незаконной добычи. Случаются и хищения в довольно крупных масштабах. Вот, ознакомьтесь. – Миляев достал из ящика стола скоросшиватель, переполненный бумагами. – Здесь самая полная информация по этому вопросу. Специально держу для различных инспекций и проверяющих. Край у нас золотодобывающий, поэтому здесь упомянуты все эпизоды, связанные с драгметаллом.

Гуров из вежливости полистал непрофессионально набранные на компьютере распечатки дежурных информашек, судя по всему, предназначенные лишь для того, чтобы в наиболее выгодном свете показать активную работу областного управления и районных отделов по выявлению преступного элемента, покушающегося на государственное достояние.

Просматривая по диагонали сообщения с мест, Гуров ловил в ряби строчек перлы провинциальной милицмейской словесности: «...У задержанного гражданина Фыфина обнаружен золотой песок, в количестве сто грамм, который не мог объяснить его происхождения»; «...гражданка Бескашина пояснила, что золотой самородок весом двадцать грамм ей подарил неизвестный гражданин за предоставленный ему ночлег, интимные и иные бытовые услуги». Не произвели на Гурова особого впечатления и доклады о выявлении фактов скупки золота. Некие отец и сын Шмалины намыли пятьдесят граммов золота, которое обменяли на пять поллитровок водки у гражданина Сычева...

– Скажите, – закончив листать «досье», Гуров положил его на стол, – а дела всех этих Фыфиных, Шмалиных, Сычовых и прочих были доведены до суда?

– Ну... – Полковник почему-то напрягся. – Практически все. Только, понимаете, суды у нас сейчас очень уж гуманные. Иной раз вся наша работа сводится на нет этим гуманизмом. То, понимаете ли, нет достаточных оснований для вынесения серьезного приговора, то нет доказанности вины...

– Здесь у вас информация о задержаниях людей с не очень значительными порциями драгметалла. – Миляев при этих словах вновь насторожился. – А вот более крупные хищения, где фигурируют килограммы и тонны, у вас имели место быть?

– Пресекаем! – сурово, со сталью в голосе отчеканил полковник. – Прежде всего, у нас хорошо поставлена профилактика данного вида правонарушений. За последние три-четыре года ни одного крупного хищения.

Полковник чувствовал, как по его спине текут крупные капли пота. Он с нетерпением дожидался того счастливого мгновения, когда этот московский гость наконец кончит задавать свои коварные вопросы.

– Дело в том, – к его огорчению, Гуров никак не хотел униматься, – что, по полученной нами информации, ЧП на Синяжском напрямую связано с хищениями золота в особо крупных размерах.

– А-а, вы имеете в виду анонимное письмо... – Миляев нервно потер кончик носа. – Кстати, у вас с собой его распечатки нет?

– Нет, не располагаю, – сокрушенно уведомил его Гуров. – Я видел-то его лишь издалека, на столе начальника управления.

– Да?! – Полковник был чрезвычайно озадачен услышанным. – Видимо, факты изложены в нем весьма серьезные... Но я вам ничего не могу сказать относительно взаимосвязи попытки убийства с хищениями. Мы такими данными не располагаем. К тому же, согласитесь, это письмо могло быть запущено и для того, чтобы пустить следствие по ложному пути.

– Не исключено, – согласился Гуров, чем несказанно порадовал полковника, подозревавшего, что его гость знает куда больше, чем старается показать. – А вам, наверное, часто приходилось демонстрировать проверяющим вот эти материалы? Небось заездили?

– Ой, и не говорите! – Миляев махнул рукой. – Почитай, каждый месяц кто-нибудь да наведывается. Хотя, вообще, надо сказать, в основном-то едут сюда, чтобы поохотиться, порыбачить, в настоящей сибирской баньке попариться. Это и понятно – у нас ведь тут охота с рыбалкой отменнейшие! – В голосе полковника вдруг появились ярмарочно-застывающие интонации. – Тут можно отдохнуть намного лучше, чем в какой-нибудь Пицунде! – азартно тряхнул он крепко стиснутым кулаком.

У Миляева вдруг появилась надежда, что и этот заезжий дока тоже ничем не отличается от многих столичных штучек, которые и впрямь наезжают сюда не столько для выполнения служебных дел, сколько для оплаченной казной развлекухи. Сколько их тут перебывало! Одни катили на джипах в сопровождении егерей за медведем и копытным зверем, другие спешили на таежные озера, а кто-то предпочитал париться в баньке в компании развеселых хохотушек. Но всего лишь мгновение спустя Миляев понял, что его надежды напрасны: этот человек на развлекуху не поведется. Этот настроен только лишь копать, копать, копать... И кто знает, сколь неприятные факты он сумеет обнаружить... А какие громы и молнии могут разразиться по итогам его расследования?!

Поэтому, стоило лишь Гурову сказать о своем намерении съездить в Кузоево и на Синяжский, ему тут же была предложена служебная «Волга». Обрадованный, что наконец отделался от москвича, полковник объявил: столичный гость может использовать машину, как посчитает нужным, на все время своей командировки.

Проводив Гурова, полковник долго перебирал в памяти всю ниточку их разговора – не сболтнул ли чего лишнего? Все как будто прошло достаточно гладко. И тем не менее Миляева не оставляло чувство, что он где-то все же прокололся.

И это в определенной мере было действительно так. Гуров неспроста затронул тему обилия проверяющих. Когда он листал «досье», ему сразу же бросилось в глаза, что все подшитые в скоросшивателе информашки были впопыхах сработаны на принтере совсем недавно, возможно, всего за час до его прихода. Во всяком случае, чистейшие, без каких-либо пометок листы его никак не убеждали в том, что это «досье», кроме него, смотрел еще хоть один человек.

Глядя в окно «Волги», мчащейся по обветшалому асфальтированному полотну, Гуров не менее тщательно, чем его недавний собеседник, анализировал ход беседы. В том, что полковник Миляев довольно нервно отреагировал на его появление, он убедился с первой же минуты разговора. И вообще, в словах Миляева, его взгляде, даже жестикуляции чувствовалась фальшь. А то, как он пытался убедить Гурова в малозначимости происшествия на Синяжском, и вовсе выглядело весьма неуклюже и наивно.

Гуров понимал, что о прибытии московских оперов местный криминалитет уже осведомлен. Следовательно, вполне обоснованным было бы ожидать каких-то конкретных шагов с их стороны. Но каких? Вероятнее всего, они уже знают и о его сегодняшней поездке в кузоевскую больницу, к приисковику Виктору Упорину. И тут даже не надо быть провидцем, чтобы догадаться – разговора они постараются не допустить.

– В Кузоеве когда будем? – повернулся он к молодцеватому, рослому милиционерскому сержанту, по-простецки назвавшемуся Валеркой.

– Часа через два, – не задумываясь, ответил тот.

– Если можно, давай поднажмем. Иначе можем опоздать.

Сержант, оказавшийся неплохим, можно даже сказать, отличным водителем, прибавил ходу, и «Волга» помчалась на предельной скорости, какую только позволяла дорога. Деревья, плотно стиснувшие дорогу с обеих сторон, замелькали быстрее, кое-где сливаясь в однообразную зеленую живую стену. Более чем через час пути лес начал несколько редеть, а дорога запетляла по склонам косогоров, то взбегая на вершину плосковерхих сопок, то ныряя на дно широких распадков.

ГЛАВА 6

Незадолго до обеда, обходя немногочисленную территорию двора районной больницы, Семен Стругин, двухметрового роста промысловик и по совместительству деревенский бондарь, заметил в больничных воротах улыбающегося парня с белым халатом, переброшенным через плечо, и небольшим коричневым саквояжем в руке. От охотника не укрылось то пристальное любопытство, с каким этот улыбчивый тип осмотрел окна хирургического отделения, задержав свой взгляд на окне палаты, где лежал Виктор.

Как бы ненароком, бок о бок разминувшись с неизвестным – а тех, кто эти дни приходил навещать родственников, Семен уже узнавал в лицо, – он, изображая из себя малограмотного простофилю, просительно окликнул:

– Здоров будь, паря! А огоньку-то у тебя, поди, сыщется? А то спички, видишь, вышли, как на грех.

– Пожалуйста! – Дружелюбно улыбнувшись, парень достал из кармана зажигалку. – Прикуривайте.

– Ох, спасибочки, удружил, благодарствую, – пустив дым, удовлетворенно крикнул Семен. – А ты что, тоже из докторов будешь?

– Почти, – не сбавляя ослепительного накала улыбки, кивнул неизвестный. – Я еще только учусь, буду здесь проходить практику.

– И по какой же части лекарем-то станешь, когда всему научишься, – по нутряным болезням или еще каким?

– Все понемножку. – Все так же улыбаясь, практикант скрылся в вестибюле больничного корпуса.

Стругин, быстро подобрав крохотный камешек, звонко цокнул им в одно из окон второго этажа. Створка тут же распахнулась, и оттуда выглянул его напарник, широкоплечий мужик с рыжеватой шкиперской бородкой.

– Игнат, тут в больницу какой-то парнишка зашел, – негромкой скороговоркой сообщил Семен. – Практикантом назвался. Чую, не с добром он тут. Ты его к Витьке-то не допускай, а я пока что добегу до Шаньгина, он тут рядышком живет. Наплети чего-нибудь, а я – мигом!

Минут через пять Игнат услышал звук осторожных шагов и поскрипывание ступенек лестницы. В лестничном проеме появился незнакомый врач в белом халате, в белом же колпаке и марлевой маске, закрывающей лицо. В руках, обтянутых хирургическими перчатками, неизвестный нес эмалированную кювету с какими-то флаконами и шприцами, накрытую марлевой салфеткой.

– Доктор! Доктор! Слава тебе господи! – дурашливо запричитал Игнат, загородив ему дорогу. – Ну, наконец-то, хоть один из врачей появился. А то, кого ни спроси, все в разъездах. И куда им ездить, спрашивается? А мне врача надобно позарез. Ага! Брюхом маюсь уже третьи сутки. Льет из меня – как из крана хлещет. Вот, поверите ли, уже все перепробовал – ничего не помогает. И отвары всякие, и пилюли... Прямо хоть ложись да помирай. Может, вы что-нибудь присоветуете? А, доктор?!

– Вам нужно к инфекционисту. Возможно, у вас дизентерия, – недовольно нахмурился неизвестный, намереваясь идти дальше.

Но не тут-то было.

– Доктор! – слезно простонал Игнат. – Может, каких лекарств подскажете? А то где это я сейчас найду... Как его? Ин-фин-циста. Ну что вам, жалко, что ли? Вы вот брюхо пощупайте. Там, поди, уже все кишки узлами-то позавязались!

Неизвестный нервно дернулся, пытаясь обойти настырного «пациента». Но тот оказался прилипчив как репей.

– Креста на тебе нет! – с укором всхлипнул Игнат. – Тебе, поди, без разницы – помру я или не помру. А я жить еще хочу! Ну, помилосердствуй, что ли!

По глазам неизвестного было видно, что он уже закипает и вот-вот взорвется, как перегретый паровой котел.

– Хорошо, хорошо! – зло бросил он. – Сейчас укол больному сделаю и займусь вами.

– Вот спасибо, вот спасибо, дай вам... – затараторил Игнат, вцепившись в рукав халата. – А вот еще, еще скажите!.. С чего бы это у меня так смердят ноги? Ну, никакого спасенья нет. С промысла только приду, разуюсь – вся семья на улицу выскакивает! Я уж и в самогоне их отмачивал... Первачок хороший такой, крепкий! И дегтем мазал, и скипидаром – нет! Все одно смердят, никакого толку. Прямо хоть возьми да поотрубай ноги эти окаянные. И еще вот, доктор...

– Да отстань же ты от меня, в конце концов! – заскрежетал зубами неизвестный, выдергивая рукав. – Ну посмотрю я тебя, посмотрю! И живот твой пощупаем, и портянки понюхаем... Все проверим, все!

– Ваши документы, гражданин! – пружинисто взбежав по лестнице, потребовал участковый Шаньгин. – С места прошу не двигаться.

Мягко, по-кошачьи отступив на шаг от Игната, неизвестный неожиданно швырнул кювету в лицо участковому, от которой тот едва увернулся. С отрывистым выкриком «доктор» резко выбросил вверх ногу и твердым, как камень, каблуком ударил Игната в лицо, опрокинув того навзничь. Затем одним стремительным прыжком он подскочил к окну и с ходу впечатался плечом в раму.

Сопровождаемый треском дерева и звоном битого стекла, «доктор» вылетел наружу. Однако едва он, шлепнувшись на лужайку и пару раз перекувырнувшись на траве, попытался вскочить, как его остановил строгий окрик Семена:

– Не двигаться – стреляю без предупреждения!

«Доктор» поднял голову и увидел угрюмо-черный глазок ствола охотничьего карабина, нацеленный ему в голову. Но не только это остудило его пыл – всего в паре шагов, обнажив острые клыки, стояли готовые к броску две крупные лайки.

Когда Шаньгин защелкнул наручники на запястьях «доктора», Семен сорвал с лица неизвестного марлевую маску и добродушно усмехнулся:

– Что, паря, думал старых дураков на мякине провести. А ты, как я погляжу, и впрямь бесценный спец. Ишь как за тобой клиенты гоняются, аж в окно пришлось от них сигать!

– Ну все, пошли в отделение, – по-будничному, почти дружелюбно, скомандовал Шаньгин.

– Э-э! А ну-ка, погодь! – Из дверей больницы, с недобрым огоньком в глазах, вернее, в одном правом, поскольку левый полностью заплыл, решительным шагом к ним приблизился Игнат.

– Игнат, ты чего это затеял?! – встревожился Шаньгин, пытаясь заступить ему дорогу.

– Да ничего, ничего, Акимыч, не бойсь! Все под контролем. Я же его как человека попросил помочь от поноса. А он! Ногой по морде. Нет, насчет такого лечения мы не уговаривались!

Коротко размахнувшись тяжелым и крепким, как булыжник, кулаком, Игнат сокрушительно заехал «доктору» в скулу. Тот, даже не охнув, покатился по земле.

– Так твою грыжу! – всплеснул руками Шаньгин. – Да ты же убил его, остолоп! Чего доброго, самого привлечут.

– Куда там! Оклемается, – отмахнулся Игнат. – Я же с умом бил – чай, в кузне рука тренирована. А то, получается, я – с битой мордой, а он – как пасхальное яичко. Непорядок!

ГЛАВА 7

Примерно в это же время «Волга», преодолев затяжной подъем, помчалась по серпантину дороги, врезавшейся в крутой каменистый склон сопки, почти лишенный растительности. Лишь на вершине сопки да внизу, вдоль обширного распадка, зеленела тайга. Желтовато-белесый откос, уходивший вниз от края дороги, метрах в пятидесяти заканчивался отвесным обрывом. Реденькая цепочка бетонных столбиков служила чисто условной страховкой для тех, кто по какой-либо причине мог вылететь за пределы дороги. Гуров смотрел на лесистые сопки, громоздившиеся с другой стороны распадка, на узкое длинное озеро, которое внезапно открылось внизу в прогалах между деревьями...

– До Кузоева километров пять осталось, – деловито сообщил Валерка.

Гуров посмотрел на дорогу и увидел вылетевший из-за поворота тяжеловесный «ЗИЛ». Валерка, насвистывая что-то популярное под шум мотора, на встречную машину даже не обратил внимания. Но Гуров каким-то шестым чувством вдруг ощутил в этом грузовике непонятную угрозу. Возможно, потому, что «ЗИЛ» по мере их сближения как-то нервно стал подбираться к осевой, при этом резко наращивая скорость.

– Сбрось газ! – скомандовал Гуров. – На обочину, живо!

Валерка тут же нажал на педаль тормоза, уводя машину вправо, к самому краю дороги. В долю секунды оба осознали, что еще чуть-чуть – и лобового столкновения им избежать бы не удалось. Но за рулем «ЗИЛа», судя по всему, был опытный водитель, который свой хлеб зря не ел. Тяжелый грузовик грамотно вильнул на узком дорожном полотне, сбросив «Волгу» вниз по косогору резким боковым ударом задних колес. Даже самый придирчивый наблюдатель, находясь рядом, едва ли смог бы заподозрить в этом маневре злой умысел, настолько все выглядело некой роковой случайностью.

Валерка, который, к счастью, тоже оказался на высоте положения, успел вывернуть колеса вправо, и «Волга» после секундного страшного крена ринулась по склону вниз, распахиная землю заблокированными усилием тормозных колодок колесами. Всего лишь мгновение отделяло машину от бокового опрокидывания и беспорядочного, неудержимого падения до самого обрыва.

Но теперь на благополучный исход надеяться было трудно. Машина скользила вниз, по сути не имея никакого сцепления с грунтом склона, – мелкие горошины галечника не давали протектору колес с ним соприкоснуться. Любая ложбина на склоне, любой крупный камень, попавший под колесо, означали бы одно – кувырок «Волги», падение в пропасть. Казалось, нет ни малейшего шанса на спасение.

Внезапно чуть левее траектории их скольжения Валерка увидел большой валун, глубоко засевший в склоне у самого края обрыва, рядом с которым воздетыми вверх корнями щетинился комель дерева, некогда выросшего здесь, потом погибшего и опрокинувшегося верхушкой в пропасть. Чуть отпустив педаль тормоза, Валерка попытался сманеврировать, чтобы направить «Волгу» на это препятствие. Машину вновь накренило вправо, но она удержалась и на этот раз. А еще через долю секунды «Волгу» сотряс удар, после чего она замерла в плотном облаке клубящейся пыли. По инерции Гурова бросило вперед. От удара головой потемнело в глазах. Он почувствовал, как по лбу медленно потекла теплая липкая влага.

Валерка сидел за рулем, бледный как полотно, и надсадно кашлял. Из его разбитой губы на подбородок сочилась кровь. Очевидно, он сильно ударился грудью о баранку и был на грани потери сознания.

– Из кабины – быстро!!! – заорал Гуров, резко распахиная дверцу.

Валерка, болезненно морщась, непослушной рукой попытался открыть свою, но это у него не получилось. Рискуя съехать в пропасть, цепляясь руками и носками туфель за осыпав-

шиеся выбоины, Гуров быстро, как только мог, обполз почти на четвереньках машину сзади и схватился за ручку водительской дверцы. Внезапно он почувствовал, как валун, выбитый из своего ложа, подозрительно вздрогнул. Вздрогнула и «Волга» и даже как будто на какой-то сантиметр подалась вперед. Вниз полетели оторвавшиеся от склона огромные глыбы каменистого грунта. Отчаянным рывком Гуров распахнул дверцу, замок которой при столкновении заклинило, и с большим трудом выволок сержанта из-за руля.

Тот, пребывая в шоковом состоянии, едва мог двигаться, и Гурову пришлось тащить его прочь от этого места, которое становилось все более опасным. Комья грунта, мелкие и огромные, продолжали сыпаться вниз, сетка трещин ползла по склону все выше и выше.

– Валера, Валера, давай, двигайся хоть как-нибудь! – волоча вверх стонущего сержанта, без конца повторял Гуров.

Когда они были от машины метрах в пяти, где-то посреди между ними и «Волгой» поперек склона широкой дугой пробежала стремительно растущая трещина. Огромный ломоть каменистой земли вместе с деревом, валуном и машиной, как в замедленном кино, стал сползать вбок, вниз... и, словно все-таки решившись, стремительно ухнул в пропасть. Плотная туча желтоватой пыли повисла в воздухе.

Обливаясь потом, Гуров тащил Валерку по склону, который, казалось, никогда не кончится. Сержант немного пришел в себя, старался ему помочь, цеплялся за камни и выбоины все еще непослушными руками. Где-то наверху, на дороге, раздался скрип тормозов и послышались встревоженные голоса...

Спустя полчаса Гуров сидел в кабинете начальника Кузоевского райотдела милиции. Молоденькая медсестра хлопотала подле него, промокая ссадину на лбу тампоном с перекисью водорода. Хозяин кабинета, пожилой лысоватый майор с «трудовой мозолью» живота, расправившего мундир, озадаченно чесал затылок, слушая рассказ Гурова о том, что случилось.

– Знать бы номер этого мерзавца, мы бы его в момент нашли! – досадливо хлопнув ладонью по колену, вздохнул он.

– Да номер-то его я назову, – кивком поблагодарив медсестру, Гуров пожал плечами. – Это «ЗИЛ» бело-синий, судя по дизайну – одного из последних выпусков, госномер – двести восемьдесят девять. Вот буквенный индекс, к сожалению, не запомнил. Но, мне кажется, преступник обязательно примет меры. Номер поменять – дело не хитрое.

– Ну и память у вас! – восхитился майор. – Запомнить номер машины в минуту смертельного риска – это, знаете ли, не каждому дано. Вот что значит столичный профессионал! А насчет машины не беспокойтесь. Места у нас хоть и глухие, но информация быстро расходится.

Вызвав дежурного, майор распорядился немедленно найти по базе данных владельца «ЗИЛа». Ждать пришлось недолго. Как оказалось, именно с этого утра машина числилась в розыске.

– Хозяин нам часов в девять звонил, просил найти, – сообщил дежурный.

– А кто он? – почувствовав какой-то подвох, поинтересовался Гуров.

– Это Сычев Федор Васильевич, коммерсант. У нас в Кузоеве обосновался лет пять назад, приехал сюда вроде бы из Ростовской области.

– Сычев... Сычев... Сычев... – Гуров напряженно пытался припомнить, где и при каких обстоятельствах он совсем недавно уже слышал эту фамилию. – Стоп! Про некоего Сычева сегодня утром я читал в сводках областного УВД. Занятое совпадение. Уж не тот ли самый?

– Возможно, – кивнул майор. – Если речь идет о незаконных сделках по купле-продаже золота, то это действительно он. За темные делишки его как-то раз задержали. Но возбудить уголовное дело оснований почему-то не нашлось. Отпустили с миром. Говорят, кто-то из области за него словечко замолвил.

– Срочно найдите Сычева и немедленно доставьте его сюда, – потребовал Гуров.

– Да, кстати, одного субъекта буквально час назад задержали на территории больницы, – оживился майор. – Думаю, он вам будет интересен, поскольку под видом медработника пытался проникнуть в палату, где помещен рабочий прииска, по-моему, Упорин, к которому вы приехали.

– Так! – Гуров стиснул пальцы рук. – Значит, нас все же опередили. Но, как я понял, это им ничего не дало.

Когда задержанного доставили в кабинет, Гуров обратил внимание на громадный красно-фиолетовый «фонарь», расплывшийся по его лицу почти от уха до переносицы.

– Как вы смеете меня задерживать?! – с нагловатым высокомерием объявил «доктор», с которого все еще не сняли белый халат. – Требую, чтобы обо мне немедленно сообщили моему адвокату и моему руководителю. Официально заявляю, что происходящее со мной я расцениваю как грубейшее попрание гражданских свобод и вопиющий милицкий произвол.

– И кто же ваш... э-э... руководитель? – протирая платочком очки, флегматично поинтересовался майор.

– Я помощник депутата областного собрания Кучапкина Евгения Ардальоновича. Меня зовут Антон Сиповицын. У вас мои документы – загляните. Позвоните по телефону сто семьдесят семь – сто тридцать три, и вам объяснят все, – с прежним апломбом провозгласил задержанный.

– Так что же, если не секрет, вы делали в больнице? Выполняли какой-то из депутатских наказов вашего патрона? – усмехнулся Гуров.

– Нет, – зло процедил Сиповицын. – Я представляю фонд помощи пострадавшим от рук преступников «Защита, милосердие, сострадание». Я заместитель председателя фонда, и моя задача – курировать лечебные учреждения, где проходят лечение те, кто стал жертвой преступников. Мы помогаем в приобретении необходимых лекарств, оказываем психологическую поддержку.

– Смотри-ка! – рассматривая какое-то удостоверение, удивился майор. – И в самом деле – заместитель председателя... Вот, взгляните. – Он протянул Гурову темно-красную «корочку» удостоверения с золотыми буквами на обложке. – Это же надо – и ксиву состряпали...

– Да-а, действительно. – Гуров покачал головой. – Сработано на совесть. Выходит, зря вас задержали. Можно сказать, на святое покусились. А не могли бы вы пояснить, что за препараты несли в палату номер пятнадцать и с какой целью? Хотелось бы знать и то, почему вы оказали более чем активное сопротивление сотруднику милиции, который хотел проверить ваши документы?

– У меня было только самое элементарное, что требуется всем больным, – физраствор в ампулах, сердечные капли, обезболивающие препараты... – с презрительной усмешкой перечислил Сиповицын. – Если из больницы принесли мой саквояж, посмотрите, что в нем, – там все то же. Ничего такого, что могло бы считаться противозаконным, там не было. А людей, совершивших на меня разбойное нападение с использованием огнестрельного оружия и специально обученных собак, я принял за преступников, которые намеревались помешать мне в выполнении моей миссии. Что касается сопротивления сотруднику милиции, то, как вы знаете, милицескую форму можно купить на любом базаре. Откуда мне было знать, что это действительно милиционер, а не переодетый бандит?

– Не горячитесь, молодой человек, не горячитесь, – все так же флегматично ответил майор. – Сейчас мы позвоним и депутату и насчет фонда определимся – есть ли такой в природе вообще...

– Да уж сделайте одолжение!.. – язвительно раскланялся Сиповицын. – Хочу вас уведомить, что я намерен обратиться в прокуратуру с жалобой на действия ваших сотрудников и неизвестных лиц, по непонятным причинам имеющих оружие. За мой синяк этот деревенский охламон дорого заплатит!

– Ты о себе бы лучше подумал, – с сочувствием в голосе заметил Гуров. – Поговорим без протокола? Ты ведь шел убивать кем-то раненного рабочего прииска Виктора Упорина. Он знает что-то важное, что твои боссы хотели бы сохранить в тайне. Скорее всего, ты собирался сделать ему инъекцию чего-то сильнодействующего, скажем, вызывающего паралич сердечной деятельности. Твоя попытка провалилась, а в вашей среде такие проколы караются сурово. Так что я тебе не завидую.

– Не надо меня пугать! – пренебрежительно хмыкнул Сиповицын. – И вообще, я не понимаю, что за бред вы тут несете, хоть с протоколом, хоть без.

Но, несмотря на его бравладу, было заметно, что он действительно чего-то боится. Когда его увели обратно в КПЗ, Гуров тоже засобирился уходить. Ему нужно было наконец повидацца с Виктором Упориным. К тому же хотелось проведать и сержанта Валерку, которого отправили в больницу прямо с места ДТП.

– Ближе к вечеру я сюда еще зайду, – сказал он, направляясь к двери. – Но мне так кажется, что к той поре этого Сиповицына вам уже придется выпустить.

Майор на это ничего не ответил, лишь флегматично развел руками: мол, на все божья воля.

ГЛАВА 8

Накупив в магазине допотопной постройки, зато с громкой вывеской «Лас-Вегас» всякой всячины в качестве гостинцев, Гуров в сопровождении Шаньгина направился в больницу. Охрана у палаты Виктора уже сменилась, но немногословные промысловики без лишних расспросов их пропустили. Лишь на белую наклейку на лбу Гурова встречные посматривали с удивлением и любопытством.

– Витек, это товарищ из Москвы, – представил Гурова Шаньгин. – Старший оперуполномоченный полковник Гуров, Лев Иванович.

Упорин, на голове которого за последние дни бинтов поубавилось, явно шел на поправку. Рассказывая о случившемся с ним, Виктор упомянул о загадочной находке, кем-то сделанной на приiske, и о не менее загадочной дате, упомянутой неизвестными в разговоре.

– Трое их было. – Виктор говорил еще не очень внятно, но уже мог приподниматься и садиться на постели. – Двоих в лицо разглядел, но это не наши, ни разу их до этого не видел. Один худой, в годах, другой – мой ровесник, светловолосый такой, все улыбался да рассусоливал про какие-то миллионы. А у нас давно уже ходили среди ребят разговоры, что дурит нас наше начальство. Все талдычит, будто бы мы в месяц металла добываем около ста кило, а на деле его больше тонны. Только нам от того ни холодно, ни жарко – как кидали в день «пятихатку» на нос, так и кидают. Стою, слушаю дальше. Они у конторского вагончика обсуждали какую-то затею. Из разговора я понял, что нашли у нас что-то редкое, необычное, стоящее огромных денег. Третий, его в темноте я не разглядел, но, по-моему, это был наш механик, повел их смотреть ту диковину. Я решил пройтись за ними следом, хоть узнать, что у нас на приiske творится. И только отошел я за ними от лагеря, как меня в спину будто что-то ударило. И больше ничего не помню. А еще до этого тот улыбочивый... Его то ли Гоша звали, то ли Коша...

– Может, Тоша? – уточнил Гуров.

– Может... – согласился Виктор. – Так вот, он сказал, что зачем-то к нам прилетит «вертушка», и это будет двадцать четвертого. А еще он в темноте обронил какой-то блокнотик. Я его подобрал, он здесь, под матрацем. Возьмите, авось пригодится.

Когда они уже попрощались, Виктор сообщил, что завтра его забирают в родную деревню, где местные травознаи поставят на ноги в два счета. Да и безопасней там – тут, того и гляди, опять может заявиться какой-нибудь фальшивый доктор.

Зашел Гуров и к Валерке. Тот, сидя на кровати, листал журнал. Пакет с яблоками, апельсинами и сладостями привел его в смущение.

– Лев Иванович, ну зачем это вы? Я вам и так обязан, не знаю как... – почему-то пряча глаза, говорил он. – Я тут вам одну вещь по секрету хочу рассказать. – Он замялся, и Гуров понял, что сюрпризы на сегодня еще не закончились. – Вы только плохо обо мне не подумайте, но наш Миг-два... – ну, так у нас прозвали полковника Миляева – приказал мне ежедневно в письменной форме докладывать ему, куда вы ездили со мной и с кем встречались. Я для отвода глаз ему пообещал, а сам решил, что буду гнать всякую ахинею. Что я ему – «шестерка», что ли?

«Ай да Миляев! Ай да Миг-два! – размышлял Гуров, выходя из больницы. – Получается, транспортом меня обеспечил только для того, чтобы знать, в какую сторону я копаю?» Он снова вспомнил о странной привычке полковника к месту и не к месту плотно зажмуриваться и едва не рассмеялся. Но, придя к выводу, что это может быть связано с нервным расстройством, посчитал такой смех не совсем уместным.

– Лева!!! – Как смерч налетев на Гурова, внезапно появившийся Стас схватил его за плечи и, основательно встряхнув, засыпал вопросами: – Ты как?! Жив? Здоров?

– Да я-то ничего, а вот парню досталось, – устало улыбнулся Гуров. – Молодец, не растерялся, сумел удержать машину. Я уж думал – загремим...

Он вкратце рассказал другу и соратнику о событиях этого дня.

– А я уже после обеда собирался идти в гостиницу, слышу в коридоре разговор, что на дороге у Кузоева сорвалась в пропасть машина с московским представителем. Ну, я сразу забрал из гостиницы вещи и рванул сюда. Вдруг, думаю, ты в больнице... Нет, о худшем я и мысли не допускал. Не дай бог чего – что я Марии скажу?

– От судьбы не уйдешь. Кстати, Валерий, водитель «Волги», по секрету сообщил, что полковник Миляев...

– Ты в курсе? Подчиненные его Миг-два прозвали, – перебив Гурова, хохотнул Стас.

– В курсе, – кивнул Гуров. – Только смеяться над этим как-то неудобно... Так вот, исполняющий обязанности начальника областного УВД приказал водителю за мной приглядывать и в письменном виде ему обо всем докладывать.

– Ого! – присвистнул Крячко. – Интересно, а на кого он работает?

– Вот и мне хотелось бы это знать. – Гуров был задумчив и сосредоточен. – Тут, похоже, действует структура не слабая. Так что расслабляться никак нельзя – слопают.

– Можешь меня похвалить, – торжествующе заулыбался Стас. – Нашел я того, в бежевом костюме. Это некто Криворогов Леонид Юрьевич, уроженец Ханты-Мансийска, по образованию – школьный учитель, по профессии – рэкетир, имеет две отсидки. Сейчас – заместитель начальника службы безопасности темной столичной фирмочки с красивым названием «Клондайк – две тысячи». Не правда ли, название с чем-то созвучно?

– Да, намек не из самых тонких, – резюмировал Гуров. – Похоже, в Первопрестольную отсюда тянутся даже не ниточки, а веревочки. Петр уже знает? Хорошо, теперь они этот «Клондайк» прозондируют досконально. Что еще удалось узнать?

– Еще при прежнем начальнике УВД, в конце девяностых, в области были выявлены и обезврежены четыре криминальные группировки, занимавшиеся золотом. Все давно осуждены и отбывают сроки. Потом тот начальник кому-то чем-то не угодил, и его отправили на пенсию. Сейчас управление возглавляет товарищ довольно либеральный, не желающий портить статистику, умеющий ладить со всеми. Соответственно, и никаких группировок не стало. Теперь тут преступления совершает кто-то, кое-где и только лишь порой... Хотя, как мне удалось по секрету узнать у здешних оперов, сейчас группировок не менее пяти. Четыре из них – мелкота. А вот пятая... Это, я тебе скажу, настоящая акула, даже по столичным меркам. А процветает она во многом благодаря тому, что кто-то из областных верхов ее трепетно опекает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.